

Владимир Ерохин

Владимир Петрович Ерохин – православный издатель и композитор.

Автор воспоминаний о протоиерее Александре Мене и романа-хроники «Вожденное отечество».

В христианских кругах известен под прозвищами «Божественный Ерохин» и «Волшебный фонарь».

Джазовый саксофонист и скрипач-импровизатор.

Певец церковного хора, ученик священника Сергия Желудкова.

Член Союза журналистов СССР, воспитанник Анатолия Рубинова и Евгения Осетрова.

Изгнан из «Литературной России» за веру в Бога.

Уроженец Тамбовской области, сын фронтовика-сталинградца.

Военный переводчик, офицер-контрпропагандист – специалист по моральному разложению войск и населения противника.

A dimly lit room with a window on the left. A potted plant sits on a table in the foreground. On the table, there is a white pitcher and a glass. The wall is covered with various papers and a large framed picture. The text "Недвойственное постижение" is overlaid in the center.

Недвойственное постижение

Участник защиты Белого дома в дни августовского путча 1991 года.

Методолог, семинарист Юрия Левады, Георгия Щедровицкого и Владимира Лефевра.

Лечебный педагог, учитель школы «Ковчег», преподаватель Школы юного журналиста при МГУ, Православного университета Александра Меня и Свято-Филаретовского института. Докладчик в Летней школе для учителей при Мичиганском университете (США).

Автор музыки к многочисленным спектаклям режиссёра Раисы Гершзон и четырём израильским фильмам.

Христианство как умное делание, Церковь как умное небо неизбежно притягивают к себе интерес грамотного, а тем более учёного человека.

Как издатель я полагаю, что читатель и интеллигентный человек — синонимы. И он, читатель, «как лев рыкающий», ждёт ежегодника «Христианство и наука», чтобы его «полотити».

Я дерзнул войти в ряды авторов сборника, чтобы поделиться с вами, моими коллегами и друзьями, некоторыми своими наблюдениями.

Высказывая что-либо, мы скорее всего претендуем на истинность или по крайней мере на близость к истине того, что мы утверждаем. Не является исключением и логик, который повесил себе на грудь дощечку с надписью на древнегреческом языке: «Я всё вру». Этот парадокс поставил в тупик многих.

Как говорил Георгий Петрович Щедровицкий, утверждать можно всё что угодно без всяких оснований; отрицать же надо, имея для этого определённые основания. Такая себе логическая асимметрия.

Рискованно соединение в одной интеллектуальной упряжке сомнения и веры. Это напоминает реакцию подопытных собак на круг и эллипс. При виде круга собаки были приучены рычать, а при виде эллипса лаять. И вот у них перед глазами начали крутить — переворачивать со стороны на сторону диск, и поочерёдно животным стал видаться то круг, то эллипс. Что сделали учёные собаки? Они завьли.

Даже максимы и аксиомы в принципе уязвимы. Всё подлежит сомнению. Например, был Гаутама Будда или нет? Или это индийский царевич Иоасаф, чью память Церковь празднует 2 декабря? Мы знаем о нём не больше, чем о Георгии Победоносце. Подвергается сомнению любимый всеми эпизод пощёчины Николая Угодника еретика Арию. Была пощёчина или нет? Поди знай. Или чудо Георгия о змие. Был ли змий? С одной стороны, вроде как не было, а с другой — был, и был

убит копием. По сей день богословской наукой не установлен пол ангелов. Неясно, в какой мере достоверны пророчества о конце времён. Необъясним полёт Ильи Пророка на небесной колеснице. Загадочен пророк Аввакум, которого ангел, взяв за волосы, перенёс из Иерусалима в Вавилон, чтобы он накормил Даниила, сидящего там во рву со львами.

Учёный человек привык к сомнению как инструменту проверки. Методологи говорят даже не о верификации, а о фальсификации, точнее, фальсифицируемости утверждений, то есть их обработке в горячем цеху научного сообщества.

Что является несомненным? В настоящий момент — только факт чтения Вами данного текста. Прошлого уже нет, будущего мы пока не знаем.

А есть ли у нас опыт восприятия вечного и участия в нём?

Религиозные истины не подлежат верификации. Являются ли они фактами?

«Если факты противоречат теории, тем хуже для фактов» — всем известный трюизм. Утешительно то, что «теория» по смыслу слова есть «истечение божества» — «θεωρία». Не будучи божеством, я излагаю сегодня только факты.

Есть у меня приятель — православный священник, ракетный инженер. Как-то раз сидим мы с ним в трапезной после литургии, обедаем. И он задаёт мне вопрос:

— Володя, ты вчера телевизор смотрел?

Я ему:

— У меня телевизора нет.

Он говорит:

— А я смотрел. И вот там двое спорят. Один утверждает, что есть душа, а другой — что нет. А ты как считаешь?

Я отвечаю:

— Душа — это процесс.

Протоиерей изумился и воскликнул:

— Приходи ко мне на Рождественские чтения! Да тебе Нобеля дадут!

Не знаю как насчёт Нобеля, но над своим ответом я задумался. И над тем, что предшествовало ему.

В юности мне привелось посещать семинар по теории игр, который вёл в Центральном экономико-математическом институте Владимир Александрович Лефевр, автор книги «Конфликтующие структуры». Мы изучали с ним рефлексив-

ные игры и стратегию объекта, сопоставимого по сложности с исследователем (имеется в виду человек). Как-то раз Лефевр, видимо, для разнообразия впечатлений пригласил к нам с докладом Александра Моисеевича Пятигорского, специалиста по индийской философии.

Я его немножко знал. Слушал на семинаре Ю.А. Левады его совместный с М.К. Мамардашвили доклад о метатеории сознания. Зайдя однажды в Институт научной информации по общественным наукам, увидел в коридоре Пятигорского, который, сидя на подоконнике и попыхивая трубкой, записывал что-то авторучкой в блокноте... на санскрите.

Пятигорский рассказал нам, что в индийской философии очень популярно понятие «наблюдение». Например, мы наблюдаем рыбок в аквариуме; сыплем им корм, зажигаем свет. А рыбки из аквариума нас не наблюдают. Можно предположить, заметил Александр Моисеевич, что и нас тоже наблюдают. Те, кого мы не наблюдаем. То есть речь идёт об объекте, несопоставимом по сложности с исследователем.

Запомнилась фраза Пятигорского: «Люди настолько глупы, что думают, что они могут подумать о чём угодно».

В те же дни мне случайно повстречался аспирант Левады Эдик (Давид Бенъяминович) Зильберман, мой консультант по культурологии. За ужином в кафетерии «Прага» он среди прочего рассказал мне о философии адвэйта веданта (अद्वैत वेदान्त), что в переводе с санскрита означает недвойственное постижение. Создал эту философию Ади Шанкара, который жил в Индии в восьмом веке нашей эры. И пришёл к выводу, что себя нет.

Понять это было невозможно.

Но через много лет в послании апостола Павла к галатам мне встретилась максима: «Не я живу, но живёт во мне Христос». Вспомнился призыв Спасителя: «Отвергнись себя и иди за Мной». И Его слова: «Я и Отец одно», «кто видел Меня, видел и Отца». И: «да будут все едино, как Ты, Отче, во мне и Я в Тебе; так и они да будут в нас едино».

Путь слияния-отождествления даёт апостол Павел: «Подражайте мне, как я Христу». Человек есть образ и подобие Божие. Преподобный — значит очень похожий на Господа.

Отождествление и есть недвойственное постижение. Как говорят индусы, «нет видящего и нет видимого, но есть

видение». Нет субъекта, нет объекта, но есть постижение. Полагание Духом Самого Себя. Самопознание. В этом смысле и говорят индуисты: «Этот атман есть брахман». В их терминологии атман (आत्मन्) — человеческая душа, а брахман (ब्रह्मन्) — Дух, Бог.

Известны интуиции Бога имманентного и трансцендентного. Трансцендентный по определению непостижим. Имманентный — Тот, о Котором сказал псалмопевец Давид: «Часть моя еси, Господи». Надо полагать, самая главная и ценная часть.

Что же происходит при недвойственном постижении с личностью познающего? То, что сказал Иоанн Креститель о Христе: «Ему расти, а мне умяться».

Если Бог есть Дух, чему уподобим Его?

В древнееврейском языке Дух — Руах. Этим же словом передаётся сила и дуновение ветра. Мы подчёркиваем: Руах ха Кодеш (רוח הקודש — Дух Святой). Кодеш означает святой и особенный.

Является ли сила объектом? Или субъектом? Существует ли справедливость или доброта? Есть ли ум, честь или совесть? Всё это категории незримого, неизмеримого, неосязаемого. Но они же есть!

Здесь я позволю себе такое рассуждение. Как (каким образом) существует музыка? Например, Пятая симфония Бетховена. Несомненно, она есть. Но как и когда? В момент исполнения? А когда оркестр замолкает, исчезает ли Пятая симфония? Нет, конечно, не исчезает. Мне скажут, что она есть в нотах. А если сгорят все ноты — перестанет ли существовать Пятая симфония Бетховена? Скорее всего, не перестанет. Слушатели и музыканты её помнят.

Так еврейский народ предназначен для того, чтобы помнить наизусть Священное Писание. Но если даже и никто не вспомнит — что, нет уже Бетховена и Библии? Или они есть всегда?

Возьмём к примеру Гамлета, которого знают абсолютно все. Но ведь его, того Гамлета, которому мы сопереживаем, никогда не существовало. Его придумал Шекспир, которого, как говорят, тоже не было. Пять маркизов и графинь поочерёдно написали его трагедии и комедии. А Уильям Шекспир, актёр из Стратфорда-на-Эйвоне, был неграмотным, не разжевал даже

азбуки соль. Но Гамлет живее всех живых, как сказал поэт по несколько иному поводу. Или Евгений Онегин...

Духовный мир не обязательно благочестив. Фактом духовного мира (или культуры) является Чапаев кино и анекдотов. Штандартенфюрер Штирлиц. Поручик Ржевский. В Википедии каждому из этих героев посвящена персональная статья с подробной биографией и фотографическим портретом. Хотя это скорее всего персонал чистилища.

Есть категории и лица, которых нет в нашем трёхмерном мире. Но они есть в культуре, в этом смысле подобной Царству Небесному: «Бог сохраняет всё, особенно слова прощенья и любви, как Собственный Свой голос».

Когда говорят о небесах – это хорошая метафора, позволяющая выразить невыразимое. Она возникла в древности, когда не летали самолёты и ракеты. Но у новоначальных верующих людей возникает путаница. Как тут не вспомнить знаменитый диалог атеиста со священником:

- Космонавты летали, а Бога не видели.
- Низко летали...

Небо в духовном смысле – аллегория, как и, например, сердце. «Или наши сердца не горели?», «Горé имéим сердцá...» «Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим, всем помышлением твоим...» Но кардиолог, с которым я встречаюсь каждый месяц по поводу своей аритмии, вряд ли обнаружит в моём сердце какие-либо чувства. Не говоря уж о помышлениях, которые вообще неизвестно где ловить.

Мой стародавний друг, физик-теоретик, рассказал мне когда-то историю о том, как Павлов душу поймал. Тот самый Иван Павлов, великий учёный. Он сперва на собаках тренировался – собачьи души ловил. Это ему удавалось. И решил тогда Павлов человеческую душу поймать. А у него как раз в клинике больной лежал, при смерти. Вот Павлов наставил трубки разные, колбы, реторты, змеевик, вытяжной шкаф приготовил и ждёт, когда этот человек помирать станет. Дело к ночи было. Начал больной помирать. Павлов включил реостат, и душа – бульк! – по змеевику – в реторту! А он её пробкой – шпок! – и закрыл. Поднял вот так, смотрит. А душа бьётся за стеклом, как птица, голубым светится и на человека похожа. Загляделся Павлов на душу, поставил реторту на стол и задремал. Вдруг слышит – сквозь сон – голос ему как будто говорит: «Ты

душу-то — отпусти!» Ой! — вздрогнул Павлов, думает: почудилось. Только лоб к ладоням прислонил, а голос опять: «Отпусти душу!» Что за причуда? — думает Павлов. Крестным знаменем себя осенил, в кресле откинулся и только было дремать начал, как вдруг слышит: «Выпусти душу, кому говорят! А не то твою заберем!» Испугался Павлов, вытащил пробку, душа — фьюить! — и улетела.

Представление о душе как объекте онтологично, и это в традиции европейского мышления, склонного к рассмотрению вещей, их сути и смысла. От него отличается еврейское мышление, которое больше интересуется взаимодействиями самими по себе, динамикой бытия.

Это схоже с утверждением древних индусов: нет видящего и нет видимого, есть только видение.

Зададимся вопросом: если всерьёз принять утверждение Шанкары, что себя нет, то кто же есть?

«Ему расти, а мне умяться». «Часть моя еси, Господи». «Я и Отец одно».

От египетской мифологии происходит представление о душе как о некоем компактном существе, с его земной, а затем и потусторонней судьбой. Оно проникло в христианскую среду, скорее всего, по недоразумению.

Если душа — видение, наблюдение, а себя нет, кто же есть? Есть Бог, который Сам о Себе сказал: «Аз есмь Сущий». И голос Логоса — Христа: «Я в Отце и Отец во Мне».

Верующий человек жаждет познать Бога. Но Бог непостижим. Как же нам узнать Его?

Много лет назад мне привелось работать садовником в Благовещенском женском монастыре в Назарете. Естественно, я посещал богослужения в местной церкви и причащался. Однажды монахиня Параскева спросила меня:

— Володя, а тебе не трудно быть у нас на службах?

— А что тут трудного?

— Службы идут на арабском языке, а ты ведь не знаешь арабского.

На что я ответил:

— Сестра Параскева, а ты думаешь я в Москве хоть что-нибудь понимаю? Хор поёт как в подушку, чтецы — полон рот дикции. Да и язык церковнославянский, в котором некоторые слова русскому человеку надо понимать с точностью до наобо-

рот. Но даже если бы служба шла на современном русском языке и чтецом был сам диктор Левитан — что бы я понял тогда? Разве можно понять Бога? Ведь он непостижим. Храм — божественная среда. Надо в ней быть.

Не так давно в малозначащей книге по археологии (перевод с французского) я нашёл удовлетворительное определение Бога: «Бог — источник блага». Если мы хотим познать Бога, мы должны уподобиться Ему в главном, о чём неустанно твердил старый московский доктор Фёдор Петрович Гааз: «Спешите делать добро».

«Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей». Близкую к этому мысль высказал Олдос Хаксли: лучший инструмент богопознания — чистое сердце.

«Бог гордым противится, а смиренным даёт благодать».

Богословие восхождения (катафатическое) подвигает праведника дерзновенно устремляться к Богу, чтобы достичь Его.

Богословие нисхождения (апофатическое) выражает упование грешника на милость Бога и надежду на соединение с Ним («прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша»).

В древнееврейском богословии есть хорошее понятие שְׁחִינָא [шехинá] — присутствие Божье. Священник, выходя из алтаря, являет собой Иисуса Христа, Который вышел на проповедь. Я не раз говорил и говорю своим священникам: вы для меня — присутствие Божье. Ведь мы и обращаемся к священнику официально: «Ваше преподобие».

«Да будет ученик как учитель его», — не раз говорил мне отец Александр Мень.

Вспоминаются и слова Лао Цзы: «Пусть будет ученик готов. Учитель всегда готов».

Нам не дано познать Бога. Мы разумные инструменты в Его руках, а Он композитор. Наше дело не расстраиваться и правильно звучать. Бог нам не посторонний. Наша душа — часть Божественного присутствия в мире. Если она правильно звучит.

Дух в нас и вне нас — один и тот же Дух. Подобно тому как вода в бутылке и в океане — одна и та же вода, H₂O. Бог имманентный и Бог трансцендентный.

О трансцендентном нам судить не дано, как скрипке о скрипаче. А имманентный нам хорошо знаком как совесть,

озарение, вдохновение, любовь. Бог есть в определённом смысле процесс, и душа есть процесс.

Муки совести, как и всякая боль, — сигнал бедствия, знак утраты верного направления движения. Терпеть боль не надо. Вместе с тем неразумно изменить своё сознание, скорректировать механизм восприятия, чтобы не ощущать боль. Способов много и все они порочны. Но... уж если «многие скорби праведным», то что говорить о грешных?

Притча о заблудшей овце, да и притча о блудном сыне создали своего рода культ грешника, а возможно, и греха. Сюда же ещё и благоразумный разбойник. Да и священники иные не устают призывать свою паству к постоянному покаянию. И ставят его, неиссякаемый источник уныния, непременным предварительным условием участия в Евхаристии, причастия. И вот рядовой мирянин старательно копается в несовершенной своей памяти, чтобы выудить из неё, как золотую рыбку, грех — пропуск ко Святой Чаше.

Культивирование падшей человеческой природы нашло благоприятную стезю в психоанализе и трудах адептов Венской школы. Они внушают человеку любовь к своей теневой стороне; как говорил Гоголь, «полюби нас чёрненькими, а беленькими нас всякий полюбит».

Считается, что примирение со своей падшей природой исцеляет невротика, уводя его от перфекционизма («есть тоска невозможных желаний»). В сущности психоаналитики говорят ближнему своему примерно то же, что и мой друг — джазовый трубач:

— Ты подлец — в хорошем смысле слова.

И вот вместо того, чтобы бежать от греха подальше, как Иосиф Прекрасный от жены Потифара, простодушный пациент примиряется с грехом, «как свинья валяясь в калу, и пес возвратится на свою блевотину».

Видно, чтобы этому потоку саморазрушения противостоять, старец, кажется, у Лескова, призывал: «Бог с тобой, чадо, грехи, но только не кайся».

А ведь стоит сказать весьма неблагоприятному человеку: «Да ты святой!», и он принимает это как проект, как руководство к действию. Проверено и не раз.

Кто пришёл послушать Нагорную проповедь? Немощные, одержимые различными болезнями и припадками, беснова-

тые, лунатики и расслабленные. И именно им сказал Иисус Христос: «Вы соль земли... Вы свет мира».

Есть внушение и самовнушение.

Душа невидима, бесплотна. В трёхмерном мире её как таковой и вправду нет. Но она есть в Царстве Божьем, которое есть деятельность становления, работа Духа.

Вот почему я сказал сослуживцу, что душа – это процесс.

Фото Мириам Ерохиной-Лучанской